

<М. П., И. М-В, И. ВЕС., М. Р.>

Покушение на «старца» Распутина¹

Сегодня стало известным, что в селе Покровском, куда на днях прибыл «старец» Распутин, на него было совершено покушение.

Какая-то неизвестная женщина ранила Распутина в область живота. О состоянии его здоровья ходят разноречивые толки. По одной версии — старец находится в агонии, по другой — опасности для жизни не предвидится.

* * *

В день своего отъезда из Петербурга, 22 июня, Г. Е. Распутин посетил одних своих друзей и провел в их обществе почти целый день.

Ночью великосветская дама, последовательница своеобразного учения «старца», проснулась от неприятного сна: в ее спальню вошел бледный и печальный Распутин...

Вид «старца» был так ужасен, что великосветская дама перекрестилась.

На другой день она сообщила об этом сне другой представительнице высшего света, которая рассказала ей, что «старец» и к ней также являлся в том же печальном виде.

¹ Печатается по: Вечернее время. 1914. 30 июня (13 июля). № 802. Понедельник. С. 1–2; 1 (14) июля. № 803. Вторник. С. 1–2; 2 (15) июля. № 804. Среда. С. 1–2; 3 (16) июля. № 805. Четверг. С. 2.

* * *

Несколько недель назад Григорий Распутин, в сопровождении своих почитательниц, отправился в село Покровское.

Там в одной из комнат висит старинный образ Божией Матери. Присутствующие дамы были до крайности поражены, когда на глазах у Божией Матери показались слезы. «Старец» старался всячески успокоить своих почитательниц и сказал:

— Пройдет... Пройдет.

* * *

Когда «старец» приехал в Петербург, то он рассказывал о странном явлении слезоточения иконы Божией Матери.

— Все хорошо кончится, — говорил он своему близкому другу.

* * *

В день отъезда «старец» проявлял, как говорят его близкие, совершенно исключительную нервность и казался особенно печальным.

— Не было ли у него предчувствий?

— Вообще последние дни «старец» был совсем неузнаваем. Он старался отделаться отдельными словами, и, видимо, на душе у него было тяжело.

— Приходилось ли во время бесед со «старцем» затрагивать вопрос о возможности покушений?

— Распутин относился к этому с совершенно исключительным равнодушием, и когда среди его почитателей возник вопрос об его охране, то Распутин в категорической форме запротестовал.

За последнее время многие друзья «старца», как будто предчувствовали возможность покушения и настаивали на принятии мер охраны, но в этом направлении встречали противодействие со стороны самого Распутина.

* * *

Говорят, что покушение совершено одной из почитательниц Илиодора. Бывший инок, согласно последним сведениям, полученным в Петербурге, находится в настоящее время на Дону.

* * *

На квартире Г. Е. Распутина осталась его секретарша.

На все телефонные расспросы она отвечает:

— Я ничего сказать не могу... Я ничего не знаю!

* * *

Несмотря на частые отлучки Григория Распутина из столицы, здесь у него была постоянная квартира. Несколько месяцев назад на его имя было снято помещение на одной из самых бойких улиц города.

Квартира из пяти комнат в третьем этаже на дворе не производит впечатления роскоши. Запыленная мебель носит случайный, сбродный характер. Кабинет же и спальня старца обставлены совсем попросту, по-деревенски.

Прежняя его квартира производила значительно более барское впечатление, но Распутин принужден был ее покинуть, так как вообще старался последнее время скрываться от [1 сл. *нрзб.*: ...шей] своей популярности.

Как нам передают, последний раз «старец» приехал в Петербург в воскресенье, 15 июня. Приезд его был обставлен исключительно таинственно. С вокзала в сопровождении нескольких самых интимных поклонниц он в закрытой карете проехал на свою квартиру. В воскресенье же у него состоялась какое-то совещание с близкими ему людьми. Совещание продолжалась до поздней ночи. Отдан был приказ говорить, что его нет в Петербурге. Несколько дней провел Распутин в своей квартире безвыходно только в обществе живущей у него женщины, но затем о его присутствии пронюхали, секрет был раскрыт, и не было смысла дольше скрываться.

* * *

Снова началась старая история. Как и прежде, на квартиру к Распутину стали вереницей тянуться паломники. Офицеры, дамы под темными вуалями, какие-то мужички, лица чуть ли не всех возрастов и профессий надоедали ему своими просьбами, беспокоя с утра до вечера. Модный «пророк» отличается вообще очень ровным характером и никогда раньше не выражал претензий на это надоедливое поклонение. Но в последнюю неделю в Петербурге он к общему удивлению стал нерв-

ничать. Вспышки раздражения совпадали с посещением его группой каких-то нищенок, — нескольких женщин, очень дурно одетых и, что обращало на себя внимание, почти всегда с полузакрытыми лицами. Они, по-видимому, не принадлежали к числу «поклонниц» старца, так как разговор с ними в кабинете Распутина носил всегда повышенный характер. Посещения нищенок продолжались дня три. Затем они исчезли, но поведение Распутина после этого сильно изменилось. В прежние свои приезды в столицу он свободно показывался всюду на улицах города, теперь же как будто что-то беспокоило его. Выходя из подъезда своего дома, он обычно посылал кого-нибудь вперед, говоря ему:

— Поди посмотри, нет ли рожи, рожи нет ли?..

И только тогда выходил на улицу, если вокруг не было ничего подозрительного.

Затем сплошь да рядом он стал проделывать следующие странные эволюции.

Нанимая извозчика, он умышленно громко называл адрес, оглядываясь при этом на окружавшую его постоянно толпу. Затем садился и ехал. Но, уже заворачивая за первый угол, он вдруг сходил с извозчика, расплачивался и нанимал другого, уже утаивая от окружающих адрес. Беспокойство его было видно во всем.

Распутин уже не решался выходить поздно вечером. Раньше, бывало, возвращение его домой под утро было обычным явлением, теперь уже в 10–11 часов старец запирался в своей квартире.

Прислуги у Распутина не было. Уже давно с ним жила женщина — «барышня», как ее называет прислуга дома. Она исполняла обязанности секретаря и заведовала приемом «поклонников».

Последние дни старец неоднократно подчеркивал, обращаясь к ней:

— Принимать — принимай, да только досматривай...

Дело касалось приема посетителей.

Какая-то «рожа» играла большую роль в этом нервном настроении старца.

* * *

Устраиваясь в столице, Распутин, по-видимому, не думал скоро уезжать. По-видимому, он рассчитывал сохранить в секрете свое пребывание, прожить более долгий срок. Но после таинственного посещения нищенок он спешно ликвидировал сделанные им заказы и через день, 22 июня, уехал.

Если приезд был обставлен секретно, то отъезд носил характер бегства. Распутин успел взять с собой только самые необходимые вещи.

За полчаса до поезда он выехал из дому, чтобы не задерживаться на вокзале. Его провожало несколько женщин. Однако избегнуть пышных проводов на перроне ему не удалось.

Рассказывают, что когда он торопливо пробирался через толпу к себе в купе, какой-то голос, покрывая шум, произнес с характерной интонацией: «Прощевай, Гриша, до Покровскава»...

Распутин уехал якобы весьма потрясенный, не выходил даже на площадку проститься с провожающими.

Квартира Распутина осталась на попечении «барышни». Сегодня утром дома у него в Петербурге не было еще ничего известно о покушении.

К нему все время наведываются «поклонники» и «поклонницы», ожидая подробностей катастрофы. Но до 2 часов дня специальных телеграмм из Сибири не приходило.

* * *

Мы обратились за сведениями к обер-прокурору Святейшего синода В. К. Саблеру, который утром прибыл в Петербург и предполагает вечером уехать в Москву.

В. К. Саблер заявил, что сведение о покушении на Григория Распутина является для него полнейшей неожиданностью и что пока он не имеет вообще известий о самом факте покушения.

* * *

По поводу покушения на «старца» Распутина мы обратились к директору департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит. По словам директора, все полученные до 2 часов подробности случая в селе Покровском по приказанию высших властей держатся в полной тайне.

* * *

Первое «покушение» на жизнь Григория Распутина относится к 1912 году. Трагикомическая сценка разыгралась на петербургском Николаевском вокзале, где в ожидании «старца» собралось около тридцати человек из числа его сторонников и случайно заинтересовавшихся знаменитой личностью пассажира. ореол еще не разоблаченной загадочности делал Распутина сугубо интересным для представителей печати, образовавшихся тут же в проходе, возле хранения багажа.

Особенно волновался невысокий брюнет с густой курчавой шевелюрой. Когда поезд остановился и Распутин, одетый в темно-синий плиссированный кафтан, вышел на перрон, брюнет кинулся к нему и, растолкав поклонниц, быстро, захлебываясь, о чем-то заговорил... Вдруг раздался дикий визг, энергичного брюнета бросили на землю, и вся толпа поклонниц принялась колотить и рвать его, таща за волосы, за платье.

— Убить, убить хотел! Дерзнул руку поднять...

Сам Распутин, поддерживаемый двумя девицами под руки, казался взволнованным, но старался сохранить спокойствие. Он благословлял целовавших его рясу поклонниц и повторял:

— Бог защитит, Бог защитит. Сила Божья не выдаст... Бог защитит!

Только в комнате жандармского офицера выяснилось, что злополучный журналист не замышлял никакого покушения. Экзальтированная толпа поклонниц увидела в брюнете, кинувшемся навстречу Распутину, злоумышленника и тут же учинила самосуд.

* * *

По последним сведениям, около часу дня у Распутина наступила агония.

На вчерашнем допросе, который производился прибывшим в село Покровское судебным следователем из Тюмени, она заявила, что имела поручение от Илиодора Труфанова убить Распутина.

В дальнейшем она сообщила, что отомстила Распутину за поругание игуменьи.

* * *

В первый момент допроса арестованная была в крайне нервном состоянии, и только к вечеру она пришла в себя, заявив, что не раскаивается в совершенном преступлении, считая, что, убивая Распутина, она совершает благое дело для родины.

Арестованная рассказала следователю о своих мытарствах и подробно выяснила все свои сношения с илиодоровцами в Царицыне.

По словам арестованной, убийство Распутина было задумано уже давно, но не представлялось удобного случая. Она следила за Распутиным неотступно в продолжение нескольких месяцев и была даже в Крыму во время пребывания там «старца».

Допрошенная указала на нескольких человек, принимавших участие в настоящем кровавом деле.

После сильного нервного потрясения она спокойно отвечала на все вопросы.

По внешнему виду она производит жалкое впечатление изнуренной и болезненной женщины.

* * *

Вчера в течение целого дня на Гороховой улице, в квартире, где проживал «старец», перебивалась масса народу.

Около пяти часов секретарша Распутина г[оспо]жа Лапшинская получила телеграмму из села Покровского от дочери «старца» Матрены, которая ее немедленно вызывала к раненому отцу.

Вчера секретаршу навестила одна великосветская дама — последовательница «старца», которая и уехала вместе с г[оспо]жой Лапшинской в село Покровское.

* * *

За последнее время Распутин мечтал основать газету, специально для народа, которая имела бы основной задачей борьбу с пьянством.

Он об этом очень много говорил своим «друзьям».

— Одна беда: грамоты нет, — твердил он.

На это издание некоторые высокопоставленные лица готовы были выдать пособие, и еще недавно Распутин утверждал, что с нового года выпустит газету. Эта мысль его живо увлекала, и он о ней говорил за несколько дней до своего отъезда из Петербурга.

* * *

Квартиру свою на Гороховой Распутин нанял на свое имя, причем он заключил контракт на годичный срок. Кроме г[оспо]жи Лапшинской — пожилой женщины, уже давно считающейся поклонницей «старца», никто в квартире не жил.

Распутин большей частью ел вне дома, а если и обедал, то очень скромно. Любимой его едой были сушки, которые он истреблял в большом количестве. Распутин также очень любил «побаловать себя вареньем», которое ему доставлялось его многочисленными поклонницами.

* * *

За последнее время «старец» страдал сильными бессонницами и часто ходил всю ночь из угла в угол, причем иногда громко разговаривал и даже смеялся.

Близкие говорят, что вообще за последние два-три месяца Распутин в значительной степени изменился. Он часто раздражался и из-за всяких пустяков выходил из себя.

* * *

Он следил самым внимательным образом за печатью, и г[оспо]жа Лапшинская, а также и некоторые другие почитательницы были принуждены читать газеты и рассказывать «старцу» все, что о нем пишется. Если появлялись отрицательные отзывы, то он приходил в неистовство и кричал:

— Я им покажу. Они увидят.

Когда же он успокаивался, то говорил:

— А, знаешь... Я на это писание наплевал.

* * *

За последнее время Распутин отдал приказание наклеивать все газетные вырезки и часто вечером заставлял г[оспо]жу Лапшинскую читать ему все то, что было напечатано.

— Таки больши дела в России... Така она сама больша... А вон глядь, только мной и занимаются, — говорил он с самодовольной улыбкой.

* * *

Журналисты не оставляли в покое «старца», и почти не было дня, чтобы кто-нибудь не позвонил к нему и не попросил поделиться с ним мнением о текущих вопросах.

В последний свой приезд Распутин отвечал по телефону следующей фразой:

— Коли ежели хошь меня видеть для пера, не ходи, а коли ежели для души, то загляни.

Распутин очень интересовался вопросами внешней политики, и недавно он немало волновался из-за германо-французских недоразумений. Он высказывал пацифистские взгляды и доказывал, что войны не должно быть. По этому поводу он диктовал своей секретарше «Размышления», которые он намеревался в ближайшем времени напечатать.

Вообще, за последнее время, как только являлось свободное время, он диктовал в надежде выпустить отдельную книжку своих «Размышлений».

* * *

В последний свой приезд Г. Распутин, как известно, пробыл в Петербурге всего лишь одну неделю. О таинственном посещении нищенок он от всех тщательно скрывал, но случайно проговорился об этом одной великосветской поклоннице. Та сильно взволновалась, предлагала ему свою помощь, однако Распутин просил не придавать этим визитам никакого значения. На предложение друзей прекратить всякие «приемы» Распутин резко ответил:

— Чего бояться тли, — начхать на них!

Но уже в конце позапрошлой недели он был не в силах скрыть свою нервную приподнятость и обратился к той же великосветской поклоннице с просьбой прислать ему двух человек для охраны его личности. Через день Распутин был извещен, что в воскресенье у него будут надежные телохранители, но в этот же день он неожиданно для всех покинул Петербург.

Распутин редко появлялся в общественных местах, — но 17 июня, на другой день по возвращении из Покровского, был на скачках с тремя дамами и ставил на несколько лошадей. Вечером он занялся в кабинете, всю ночь напролет шагал по комнате, а затем рано утром позвал свою секретаршу и запретил ей кого-либо принимать.

— Чувствую что-то неладное... Ай, душенька моя неспокойна... Выиграл я на лошадаках — ну, значит, быть беде... В жизнь ни во что не выигрывал.

В этот же день появились странные нищенки. Приказано было никого не принимать, но они все же были допущены к Распутину.

Нищенки показывали на [ка]кое-то письмо, в котором, по их словам, сообщались важные для Г. Е. Распутина новости.

* * *

Общие знакомые Распутина и Илиодора в последнее время старались примирить их. Это никак не удавалось, так как Илиодор считал Г. Распутина виновником всех бед, выпавших на его долю, а Распутин не хотел даже говорить об Илиодоре. Говорят, что Распутин всегда боялся Илиодора, а на предложение простить Илиодора, он написал:

— Ежели простить собаку, Серьгу Труфанова, то он, собака, всех съест.

* * *

Распутин меньше всего ждал нападения врагов в селе Покровском. Здесь он полагал отдохнуть лето и рассчитывал вернуться в Петербург не ранее октября месяца. Зимой Распутин намеревался поселиться в селе Мартышкине, между Петергофом и Ораниенбаумом. Распутин присмотрел уже небольшой особняк и хотел его купить еще в апреле, но не сошелся ценой с хозяином. Недавно Распутин снова был в Мартышкине, но больше не заходил к домовладельцу, а приценивался к другим зимним дачам.

— Вот где вздохнуть можно будет... Тишина, спокойствие, — что твое Покровское... Беспременно сюда приеду жить... А на воле делом займусь, да грамоте подучусь — благо есть учителя... Без грамоты нельзя — Григорий, говорят, малограмотный... Вот оно что...

* * *

В село Покровское Распутин приехал в субботу, 28 июня, т.е. как раз накануне произведенного на него покушения. Вместе с ним приехали и многие из его почитателей. В Покровском ввиду неожиданности приезда старца находилось всего лишь несколько его почитателей, приехавших из разных концов России и проживавших здесь уже довольно долгое время. Всех их местные крестьяне уже хорошо знали в лицо. Поэтому указание крестьян на то, что совершившая

покушение на старца женщина могла появиться в Покровском только в самый день преступления или накануне этого дня, весьма правдоподобно.

* * *

В Покровское выехали следственные власти и представители высшей местной администрации. Как передают, женщина, покушавшаяся на Распутина, будет привезена в Тобольск под усиленным конвоем и заключена в местную тюрьму.

* * *

Сегодня наш корреспондент посетил в Москве известную почитательницу Григория Распутина А. И. Решетникову. Ему была сообщена последняя телеграмма, полученная из Тобольска: «Операция сошла [sic!] благополучно. Температура нормальная. Раненого перевозят в больницу в гор[од] Тюмень».

Директор департамента полиции заявил нам вчера, что все сведения, полученные департаментом о покушении на жизнь Распутина, хранятся в полной тайне. Это — право департамента полиции хранить в тайне полученные им сведения. Но почему департаменту полиции подражает петербургское телеграфное агентство? Почему оно хранит в тайне событие, которым — худо ли, хорошо ли — интересуется Россия, или во всяком случае Петербург? Положим, агентство — учреждение официальное. Но ведь не полицейское? Или все то, что официально, должно непременно быть полицейским?

Покушение на «старца» Распутина продолжает привлекать общее внимание. Газеты полны всевозможных «подробностей» как о самом нападении, так и о состоянии здоровья раненого. Страницы некоторых органов печати буквально заполнены разными «беседками», «воспоминаниями», «собственными телеграммами», в которых имена «старца» и его близких упоминаются десятки раз.

— Насколько все эти собственные сведения достоверны, можно судить по следующим фактам, — говорит одно из очень близких к «старцу» лиц: — вот, например, «собственные» телеграммы идут якобы из села Покровского. Последняя из них помечена 5 часами дня первого июля.

Между тем мной первого июля, в 5½ часов дня, получены были телеграммы в 3 часа дня, что Распутин после первой перевязки отправлен в Тюмень.

Спрашивается, каким же образом можно было в 5 часов видеть «старца» в Покровском, когда он в три часа ехал в Тюмень.

Далее рассказывается о выезде в Покровское многих высокопоставленных лиц, и в числе последних названо даже прямо имя «фрейлины» А. А. Вырубовой.

На это могу объяснить одно, что решительно никто из высокопоставленных лиц ни в Тюмень, ни тем более в Покровское (где «старца», как я сказал, давно уже нет) не выезжал.

Выехала туда только секретарша Распутина Ангелина Ивановна Лапшинская (которую «собственные» корреспонденты перекрестили почему-то в Аполлинарию), да и она отправилась туда не по какому-то особому вызову, а просто потому, что она по профессии сестра милосердия, бывшая в Порт-Артуре и в Манчжурии и имеющая огромный опыт в уходе за ранеными.

Что касается А. А. Вырубовой, то она, во-первых, никогда фрейлиной не была, а, во-вторых, последние две недели жила не в Царском (как уверяют разные собственные корреспонденты), а в Петергофе, у своего отца А. С. Танеева; в настоящее время плавает по Финскому заливу.

Одна из газет идет даже далее, и сегодня утром сообщила, что Распутин скончался.

Между тем именно сегодня утром мной получена телеграмма от дочери Распутина, что отцу ее значительно лучше и надежда на выздоровление возрастает.

Попутно не могу не высказаться о появившихся в печати беседах с нанесшей «старцу» рану Х. Гусевой и самим Распутиным.

Относительно первой беседы я лично могу только выразить сомнение, чтобы судебные и полицейские власти так свободно держали обвиняемую в покушении на убийство, что она могла «давать интервью» газетным сотрудникам.

О Распутине же я имею строго определенные известия, что он решительно никого не принимал, кроме врача, священника и судебных властей.

Точно также по моим данным нет ни малейшего основания припутывать к этому делу имя бывшего иеромонаха Илиодора, и все это по-

кушение — не более, как самое заурядное нападение сумасшедшей женщины, от которого никто не гарантирован».

Так ли это?

* * *

Имеются сведения, что Хиония Гусева, покушавшаяся на жизнь Распутина, резко изменила тактику.

В начале она откровенно заявляла, что мстит за Илиодора, которого она любит и которого считает обиженным из-за происков Распутина.

В дальнейшем, когда ее начали спрашивать о сношениях с Илиодором, она стала давать уклончивые ответы и в конце концов старалась всячески спутать представителей судебной власти.

Говорят, что Хиония Гусева производит впечатление хитрой истерички. Она несомненно ханжа, полуинтеллигентка, читала много религиозных книжек.

На допросах часто плачет. На многое отвечает с хитростью. Раскаяния не проявляет. Несколько раз произносила ту же самую фразу: «Очень далеко он пошел... Ну, и спотыкнулся... Так, видно, ему суждено!..»

До сих пор не выяснено сношений Хионии Гусевой с Илиодором, хотя установлено, что она действительно была в Царицыне, но очень недолго. Имела ли она свидание с Илиодором, пока остается вопросом открытым.

* * *

Хиония Гусева, как оказывается, часто бродила по Гороховой у дома, где жил Распутин.

Швейцары дома прекрасно помнят страшное лицо Хионии Гусевой. Она часто подходила к ним и спрашивала, когда выходит из дому Распутин. Раз как-то, как рассказывает швейцар, она поднялась в квартиру, где жил «старец», но оставалась очень недолго.

* * *

Нам пришлось беседовать с одним лицом, которое близко знает Гермогена и Илиодора и принимает живое участие в их судьбе.

Прежде всего мы спросили нашего собеседника, допускает ли он возможность, что Хиония Гусева была отправлена Илиодором в Покровское для совершения преступления.

— Мне очень много приходилось беседовать с Илиодором о Распутине. Он считал главным виновником всех своих несчастий знаменитого «старца» и говорил о нем с большим раздражением. Илиодор крайне экспансивен, и в беседах о Распутине он проявлял эту основную черту своего характера. Говорит одно, а делает — другое. Я не думаю, чтобы Илиодор мог командировать убийцу в Покровское. Мне кажется, что Хиония Гусева — типичная истеричка, экзальтированная женщина, которая, на основании разговоров и слухов, решилась на убийство Распутина. Очевидно, ей пришлось слышать толки о вреде, который будто бы приносит «старец» России, и она пожелала сыграть роль Жанны д'Арк. Если бы на минуту представить, — продолжал собеседник, — возможность заговора, в центре которого находился бы Илиодор, то, я думаю, что он был выполнен более удачно и, вероятно, для его исполнения было бы избрано лицо более интеллигентное, которое могло бы скрыть следы. Я уверен, что Хиония Гусева действовала на свой страх и риск, загипнотизированная возможными толками и слухами о Распутине и о том влиянии, которым он пользуется в высших сферах.

— Не только Гермоген и Илиодор, — продолжает собеседник, — открыто заявляли об опасности влияния Распутина. Очень многие видные государственные деятели не скрывали своего раздражения против «старца», и мне лично пришлось слышать крайне резкие отзывы от многих влиятельных лиц. Впрочем, и Гермоген как-то раз воскликнул, говоря о Распутине: «Его бы в мешок, да в воду». Но из этого, конечно, отнюдь нельзя предположить, чтобы епископ мог бы сочувствовать террористическому акту.

Во всяком случае, для меня, близко знающего настоящую обстановку, совершенно очевидно, что мы имеем дело с политическим преступлением, но, повторяю, я не думаю, чтобы Илиодор являлся вдохновителем его.

В настоящее время все мысли Илиодора сосредоточены на его книжке, которую он намерен выпустить за границей. От лиц, которые его видели недавно, мне пришлось слышать, что раздражение его против Распутина значительно уменьшилось, и, повторяю, по своей натуре Илиодор будет много говорить, стращать, но в конце концов остановится всегда перед преступлением.

* * *

— Два месяца назад меня посетил Григорий Распутин. Этот визит меня немало удивил, так как «старец» прекрасно знал ту роль, которую я играл в дни заточения епископа Гермогена и бегства Илиодора.

«Старец» просидел у меня два с половиною часа, причем большая часть разговора именно касалась епископа Гермогена и Илиодора. Распутин упрекал меня за дружбу к этим двум лицам и старался доказать, что они все сделали для того, чтобы возбудить его неприязнь.

Я его успокаивал и доказывал ему, что он вносит в этот вопрос слишком много страстности. На это Распутин, крайне волнуясь, воскликнул: «Они хотели меня убить». Он рассказал мне всю сцену, которая произошла между ним и Гермогеном. Я ее слышал от епископа в несколько ином освещении. Дело в том, что епископ, действительно, взял за шиворот Распутина и потребовал, чтобы он молился перед иконой, но бывший тут офицер почему-то обнажил шашку, опасаясь, видимо, что Распутин нападет на Гермогена. В общем, конечно, произошла тяжелая сцена, но я убежден, что об убийстве Распутина не могло быть и речи, и я в беседе с ним старался ему это доказать. «Старец», однако, твердил все одно и то же.

— Что ты мне рассказываешь... Я знаю, что они хотели меня как собаку задушить...

Из моих сношений с Гермогеном и Илиодором, с одной стороны, и с Распутиным — с другой я вынес глубокое впечатление, что между ними произошло большое недоразумение, что все они крайне увлекающиеся люди, которые внесли во все происшедшее много страстности и чрезмерного возбуждения.

Ни о каком соглашении говорить и не приходилось, так как «старец», видно, затаил значительную злобу и не мог простить той сцены, которая разыгралась у епископа Гермогена.

* * *

— Вы спрашиваете меня, приходилось ли мне слышать от Илиодора о Хионии Гусевой? Такой фамилии я не знаю.

Во всяком случае, серьезной роли она никогда не играла, так как, несомненно, мне пришлось бы слышать эту фамилию. Возле Илиодора было очень много народу, и его окружало не мало истеричек. Может быть и Гусева была в Царицыне. Я этого во всяком случае не знаю.

Илиодор вовсе не такой человек, чтобы он мог довериться простой бабе. Он прекрасно понимал, с кем имеет дело и, как я уже вам сказал, если бы план убийства Распутина шел непосредственно от него, то он был бы разработан в больших подробностях, и лицо покушавшееся не было бы столь наивным, чтобы с первого же раза выдавать своих сообщников.

* * *

Хиония Гусева давно следила за Распутиным, но на его прежней квартире, на Гороховой улице, она была всего два раза. На нее обратила внимание секретарша Лапшинская, подозвала к себе и стала расспрашивать, что ей надо. Гусева долго ничего не хотела говорить, но когда Лапшинская категорически заявила, что в случае упорства она не будет допущена к Распутину, Гусева сказала:

— Поклон батюшке Григорию Ефимовичу от сестрички с Дона привезла... Уж он-то, родимый, узнает, — вот обрадуется.

У Гусевой были в руках какие-то связочки писем, портрет Распутина и еще один небольшой пакетик. Лапшинская доложила об этой посетительнице Распутину, тот велел позвать Гусеву в кабинет и говорил с ней минут пять. Это с Распутиным бывало не часто, — приглашения в кабинет удаивались далеко не все просители.

Когда Гусева вышла от Распутина, она дико захохотала, и с ней сделалось дурно. К ней снова вышел Г. Е., положил руку на голову и скороговоркой сказал:

— Ты... ты безобразная... Не хули, не искушай... Подымись, оставь нас... Все знаю, уйди, оставь...

* * *

Судебными властями придается большое значение добытым сведениям о жизни Хионии Гусевой в Петербурге. Сейчас устанавливается связь между Гусевой и Илиодором, хотя, как передают, в руках следственной власти пока еще нет материалов, свидетельствующих, что о покушении на Распутина был осведомлен С. Труфанов. Поведение Х. Гусевой в Петербурге говорит за то, что самый поступок этой женщины был совершен в болезненном состоянии и о сообщниках едва ли может быть речь. Характерно, что в ночлежном доме на Обводном канале, где проживала последние пять месяцев Гусева, никто из ее соседей по нарам не слышал от нее имени Распутина. Изредка она упоминала об Илиодоре, об его «святой жизни», но ни словом не проговаривалась о врагах Труфанова. Все время она ходила с какими-то книжками и изредка куда-то писала письма. Гусева, бывшая в ночлежном доме Макокина с февраля месяца, — последнее время уже не посещала эту «гостиницу». Ко времени ее первого визита она уже не ночевала на Обводном канале, и, как говорят, Гусева нашла приют у одной набожной старушки, сжалившейся над ее несчастным видом.

* * *

У Распутина, как рассказывают лица, хорошо знавшие «старца», было множество планов на осень по возвращении из Покровского. Он, между прочим, вел переговоры с одной английской компанией, взявшей большой подряд в военном ведомстве, и хотел вступить в дело в качестве пайщика. Оказывается, что Распутин довольно часто пользовался своими связями и за эту зиму провел не одно дело, в котором и он был заинтересован. Последнее время его сильно занимало новое изобретение Эдисона — кинетофон, и он негласно вел переговоры о постройке большого театра в Петербурге. Распутину, как говорят, было обещано разрешение использовать одну из больших городских площадей, где до сих пор не дозволялось строить театры.

* * *

За несколько дней до своего отъезда в село Покровское Распутин рано утром в сопровождении своей секретарши Лапшинской посетил гинекологический институт на Песках. На заявление швейцара, что допуск посетителей к больным начинается лишь с 10 часов утра, Распутин повышенным голосом заявил:

— Не мели вздора, не для всех писаны ваши уставы.

Он велел провести его в шестой этаж, где находятся так называемые секретные больные. Пройдя в комнату, занимаемую одной молодой девушкой, Распутин пробыл там около 40 минут. Весть, что в больнице находится Распутин, быстро распространилась по всем отделениям института. Среди больных, лежавших в родильном отделении, нашлось несколько дам, выразивших желание получить благословение от «старца». Просьба больных была исполнена и спускавшегося вниз «старца» провели к родильницам. Подходя к кроватям, Распутин осенял лежавших больных крестным знаменем и давал целовать руку. В одной из палат Распутин обратил внимание на только что разрешившуюся молодую женщину. Подойдя к кровати, Распутин начал шепотом успокаивать ее:

— Ты не волнуйся, как встанешь, приходи, слышь, приходи, — и, прощаясь, оставил ей клочок бумажки со своим адресом.

Больная, которую навещал в секретном отделении Распутин, спустя четыре дня выписалась из больницы. За все время пребывания ее в больнице никто не видел ее лица. Даже врачу больная по-

казывалась, тщательно укутав лицо густой вуалью. Среди персонала больницы таинственная больная была известна под кличкой «дамы под вуалью».

* * *

(По телефону из Москвы.)

Сегодня известная почитательница Григория Распутина А. И. Решетникова получила в 5 час[ов] утра телеграмму из Покровского, в которой сказано: «Ему лучше, не беспокойтесь».

* * *

При громадном стечении молящихся были отслужены молебны о здравии болящего Григория в Успенском соборе, в храме св. Трифона, что на Прудной, и в часовне Иверской Божией Матери и св. Пантелеймона на Никольской.

* * *

У постели Распутина

(От нашего корреспондента.)

(По телеграфу.)

ПОКРОВСКОЕ. Распутин перенес перевязку спокойно. Около постели больного врач и вся семья и поклонницы. Придя в сознание, Распутин беседовал.

Илиодор о покушении на Распутина

(По телефону из Москвы.)

В газете «Утро России» помещена полученная от Илиодора телеграмма, которая гласит: «Хиония Кузьмина Гусева — девица

30 лет, очень религиозная, умная, всегда осуждавшая деятельность Гришки, которого она постоянно считала развратным и опасным государственным и церковным преступником. Она давно высказывала убеждение, что с Григорием Распутиным нужно разделаться, как с самым отвратительным гадом. Узнав от меня о том значении, которое сыграл Распутин в разрушении Царицынского монастыря, она еще более возненавидела его и решила с ним покончить. Она была осведомлена обо всех его развратных делах в Царицыне, которые происходили на ее глазах. Я видел Хионию Гусеву месяцев 7–10 назад. По ее мнению, расправа с Распутиным — это дело Божеское. Она вместе с другими, оскорбленными Распутиным девицами, хотела разделаться с Григорием еще в прошлом году, но бродяга Синицын, отравившийся недавно рыбою, известил об этом Распутина, и план не удался».

Монахиня Ксения

Монахиня Ксения, о которой упоминается в телеграмме нашего корреспондента, была одной из причин, вызвавших полный разрыв между преосвященным Гермогеном и Гр. Распутиным.

Ксения находилась в числе сестер одного из монастырей саратовской епархии и отличалась крайней экзальтированностью на религиозной почве.

Ее миловидная внешность и порывистость обратили на себя внимание «старца» Распутина, и он начал бросать на нее какие-то странные взгляды.

Эти взгляды замечены были преосвященным Гермогеном, но чуждый житейской грязи владыка не придавал им никакого значения.

Вскоре, однако, до преосвященного стали доходить слухи, что «старец» причинил какую-то неприятность Ксении, и последняя все время плачет и готова наложить на себя руки.

Епископ Гермоген пригласил монахиню к себе и под клятвой заставил ее рассказать все происшедшее.

Преосвященный Гермоген, возмущенный этим, потребовал у Распутина объяснения, и последний, после долгих запирательств, подтвердил рассказ Ксении.

Последние известия

(От нашего корреспондента.)

(По телеграфу.)

ТЮМЕНЬ. На последнем допросе Гусева показала, что она искренняя поклонница Илиодора и что она мстила Распутину за опорочение монахини Ксении, живущей сейчас у Жировецкого монастыря. Она задумала убить «старца» еще в прошлом году, но не представлялось удобного случая.

В дальнейшем она сообщила, что ездила в минувшем марте месяце в Ялту, причем купила у черкеса тесак.

Село Покровское находится как бы на военном положении. Дом «старца» охраняется полицией. Приезжающих опрашивают.

Распутин был отправлен в Тюмень на пароходе «Ласточка». Проводы отличались торжественностью. Больного несли на носилках.

Больного везут очень медленно.

На пристани Тюмени «старца» ждала большая толпа.

